

АНКЕТА ЖУРНАЛА

1. Что Вы вкладываете в понятие «развитие образования»: в региональном масштабе, российском, мировом? Какие факторы сдерживают его развитие?

2. Какие традиции российского образования актуальны для 21-го века? От чего следует отказаться? Что нужно заимствовать из опыта других стран?

3. Какие научные достижения последних десятилетий наиболее серьезно повлияли на систему образования в целом и теорию педагогики в частности? К чему быть готовым в будущем?

4. Современные образовательные реформы, или куда мы идем?

А. Н. Бабушкин,
декан физического факультета УрГУ (Екатеринбург)

1. Я могу говорить о профессиональном образовании в области естественных наук. Знакомство с подготовкой физиков в Германии, Великобритании, США и, естественно, в России дает возможность сделать заключение о том, что в разных финансовых и духовных условиях идут общие процессы. Суть их в следующем. Молодые люди не хотят затрачивать годы на сложную подготовку. Хочется сразу и максимально много. В массовом сознании почему-то считается, что в юриспруденции или экономике этого достичь проще.

Я убежден, что образование в области точных наук является основой технологической независимости страны. Падение уровня образованности в области естественных наук противоречит сложившейся в России экономической ситуации, когда промышленность в основном сориентирована на добычу полезных ископаемых и их первичную переработку. Промышленности нужны люди, ориентирующиеся в технических вопросах, а именно физика и химия формируют общий подход к познанию и освоению природных ресурсов.

Поэтому для меня понятие «развитие образования» связано в первую очередь с созданием системы интересов для привлечения способных молодых людей в естественные науки. Это развитие и совершенствование работы с учителями, создание и поддержание системы конкурсов для школьников, создание и развитие системы выявления талантливых студентов на начальных уровнях их обучения, формирование системы финансовой поддержки поездок на конференции и т. д. Принципиальным является и развитие собственно профессионального образования – уточнение набора дисциплин, совершенствование учебных планов и программ, создание новых направлений подготовки, отвечающих требованиям завтрашнего дня, установление связей с промышленностью, определение опережающих потребностей рынка труда.

Сдерживающих факторов несколько. Один из них – массовое сознание, о котором я уже сказал. Другой, приводящий к первому, падение уровня преподавания естественных наук в школе. Это не вина педагогов, это наша общая беда. Я знаю многих блестящих учителей физики, химии, биологии. И вижу, в каких тяжелых условиях они работают (даже отвлекаясь от материальной стороны вопроса).

Существенным сдерживающим фактором является отсутствие прогноза потребности в специалистах. Большинство промышленных предприятий неспособно (или по тем или иным причинам не хочет) определить долгосрочные планы кадровой политики. При этом часто звучат слова о том, что вузы готовят не тех и не так. И забывают, что только практика способна дать человека, адаптированного к данному конкретному месту.

Опыт показывает, что у выпускника физического факультета классического университета такая адаптация занимает примерно год–полтора. У выпускника технического вуза она проходит быстрее. Кроме того, сегодня в промышленность приходят люди, окончившие школы 5 лет назад, когда учебные программы по естественным наукам были глубже. Что скажет производство завтра?

2. Образование в области точных наук, не подверженное в силу специфики идеологическому влиянию, имеет вековые традиции. Достаточно точно выстроена последовательность базисных курсов, их внутренняя взаимосвязь, последовательность изложения. Поэтому попытки перенести на сферу точных наук опыт идеологизированной *гуманитаризации* (а не *гуманизации*) образования может привести к краху отечественной системы подготовки в области математики, физики, химии.

Замечу, что подготовка, например, физиков, является по сути вненациональной. Такова специфика познания природы. Поэтому говорить об особых национальных традициях российского образования в этой сфере, вероятно, неверно. Это не отрицает опыт известных педагогов, замечательные учебники, по которым учились поколения школьников.

От чего следует отказаться? По моему мнению – от пропагандируемого многообразия учебников. Якобы учитель имеет возможность выбора. Но имеет ли учитель достаточную компетенцию для такого выбора? И раньше, когда все учили физику «по Перишскому», хорошие учителя имели возможность широкого выбора материала. К сожалению, сегодня мы видим резкое падение уровня знаний элементарной физики у выпускников обычных школ. Должно быть два–три базовых учебника и достаточное количество пособий.

4. В официальных материалах звучат не «реформы», а «модернизация». К сожалению, сегодня этот процесс мы наблюдаем и в школьном, и в высшем образовании. Резко сокращены учебные часы, отводимые федеральным стандартом физике, математике, химии. Но ведь это дисциплины, позволяющие человеку существовать в технически сложном окружении. Даже если в буду-

щем человек не собирается быть инженером или естествоиспытателем, он все равно будет пользоваться электричеством, ездить на метро, водить автомобиль, пользоваться мобильной связью и микроволновой печью. И степень его личной бытовой независимости будет определяться степенью элементарной компетентности в технической сфере.

Сегодня, в условиях формирования рыночной экономики, требования к специалисту значительно отличаются от существовавших ранее. Выпускник вуза должен иметь возможность гибко реагировать на изменения рынка труда, владеть фундаментальными знаниями, понимать условия функционирования рынка, владеть современными информационными технологиями. Именно это обеспечит ему многовариантность выбора пути.

То есть существует проблема пересмотра подходов к фундаментальному образованию, реализуемому в классических университетах. С одной стороны, необходимо обеспечить традиционно высокий уровень подготовки, с другой – дать дополнительные, востребованные в настоящий момент рынком, знания.

В условиях высоких темпов развития рынка труда обеспечить эти два требования можно через систему дополнительной подготовки. Эта подготовка в значительной степени носит нетипичный для классических университетов конкретный, прикладной характер.

Университетское естественно-научное образование, традиционно сориентированное на обучение студентов фундаментальным основам частных наук (физики, химии, биологии и др.) на серьезной математической базе, существенно отличается от инженерного образования, в большинстве случаев направленного на формирования знаний конкретных, существующих на данный момент времени, технологий и процессов. И тот и другой подходы к образованию в течение длительного времени существовали параллельно, обеспечивая специалистами разные сферы экономики.

То есть существует проблема пересмотра подходов как к чисто инженерному, так и к чисто фундаментальному образованию.

Сегодня много говорят о двухуровневой системе образования. Для нас она не является новой. В Уральском государственном университете на ряде факультетов, в том числе и физическом, она введена 10 лет назад. Я могу сказать, что большинство наших выпускников за эти годы получили обычные дипломы о 5-летнем высшем образовании. Не более 1% от всех выпускников окончили образование на уровне бакалавриата, кто уехал за границу (а там хорошо понимают слово «бакалавр» и не понимают, что такое «специалист»), кто решил уйти в иные сферы деятельности. В то же время, не менее 25% окончили магистратуру, среди них уже есть кандидаты и доктора наук. Двухуровневая система подготовки, особенно магистратура, – очень эффективный способ подготовки в интересах наукоемкого производства, академии наук, вузов. Два года магистратуры, включение в работу научного коллектива дают ту самую

адаптацию к будущему рабочему месту, точнее (для выпускника классического университета) – к сфере будущей деятельности.

Поэтому я считаю, что двухуровневая система может решить ряд проблем. Но для ее успешной реализации необходимо тесное сотрудничество с научными организациями, наукоемким производством. Необходима активная научная деятельность преподавателей и сотрудников, обеспечивающих подготовку магистров. Далеко не каждый вуз может это обеспечить.

Звучащие сегодня слова о платной магистратуре приведут к тому, что этот уровень подготовки будет процветать в экономических и юридических вузах (можно на стенку повесить диплом магистра наук!) и будет ликвидирован в естественно-научном и техническом образовании. Кому-то это выгодно...

В. А. Бенин,
декан социально-гуманитарного факультета БГПУ (Уфа)

1. Развитие представляет собой направленное изменение в природе и обществе, в результате которого возникает новое качественное состояние объекта – его состава или структуры. Соответственно, развитие образования, на мой взгляд, представляет собой изменение в системе трансляции социального опыта (образования), направленное на оптимизацию его структуры и содержания соответственно потребностям как общества в целом, так и личностного развития его членов.

В региональном масштабе развитие образования должно быть ориентировано на создание максимально благоприятных условий для социализации подрастающих поколений с учетом специфики региона, но без жесткой «привязки» человека к этой специфике. В масштабах России оно должно играть опережающую роль, интеллектуально и физически определяя и обеспечивая поступательное развитие страны от поколения к поколению. Глобальная проекция сказанного о России плюс принципы экуменизма и толерантности могли бы, на мой взгляд, характеризовать развитие образования в мировом масштабе.

Эффективное и содержательное развитие образования невозможно без уважения общества к знаниям и тем людям, которые их добывают и распространяют. Оно невозможно без рассмотрения государством образования в качестве приоритетной сферы, неосуществимо только за счет энергии энтузиастов-новаторов. Оно требует целевой государственной программы, подкрепленной моральной поддержкой общества.

Моральная поддержка общества предполагает повышение уровня педагогических знаний семьи. В условиях, когда значительная часть населения России не владеет ими даже на элементарном уровне, семья еще долго будет оставаться помехой на пути развития образования. Это говорит о необходимости широкой пропаганды педагогических знаний всеми имеющимися средствами. Формой такой пропаганды может быть создание в средствах массовой инфор-

мации (как на федеральном, так и на местном уровне) серии развлекательно-образовательных передач, в игровой форме несущих разнообразную информацию, направленную на повышение педагогической культуры семьи. На муниципальном уровне с максимальной степенью учета региональной специфики целесообразно разработать, апробировать и ввести систему педагогического просвещения родителей силами школы. Такая система может быть синхронизирована со стадией подготовки дошкольников к поступлению в школу и рассматриваться как ее важная составляющая.

Развитие образования невозможно без учителя, обладающего широкой общей культурой. Поэтому целесообразно продумать вопрос определенной коррекции учебного процесса в учебных заведениях педагогического профиля. Они, во-первых, должны пестовать широко образованную и духовно богатую личность, во-вторых – педагога-воспитателя и лишь в третьих – узкого предметника. Что это значит практически? Педагогическим вузам необходима богатая и насыщенная духовная атмосфера, широчайшая и разносторонняя внеаудиторная работа, постоянные и тесные контакты с культурно-зрелищными организациями. Поскольку все это требует немалых средств, стоит подумать о создании распространенных за рубежом попечительских советов при вузах из числа заинтересованных лиц и организаций. В целях привлечения инвесторов необходима система налоговых льгот для частных лиц и организаций, входящих в названные попечительские советы и финансирующих развитие образовательной сферы.

И наконец, общество должно снять с учителя всю полноту моральной ответственности за изъяны воспитания отдельных учеников, ибо его воспитательные возможности весьма ограничены. Сегодня же в традициях тоталитарного времени учитель находится в положении того «крайнего», на которого списываются огрехи всех субъектов воспитания, начиная с социальной среды и кончая семьей. Знание предмета и высота личной моральной позиции – вот чем должны ограничиваться требования к учителю.

2. Думаю, что в условиях глобализации образования сегодня фактически назрел конфликт между формированием образованной личности, базирующейся на менталитетных основах национальной культуры, и все более стандартизирующимися и теряющими национальные черты системами образования. Примером подобного рода может служить процесс вхождения отечественной системы образования в европейское образовательное пространство. Именно он предопределил, на первый взгляд, парадоксальное явление – высшее образование в России постепенно выпадает из векторных процессов культуры, хотя, казалось бы, должно было бы их определять. Перемены в культуре мало что меняют в образовании, вернее, смыслы культуры мало влияют на смыслы образования. Они существуют почти автономно.

Европа давно осознала экономическое, политическое, идеологическое значение образования, что ярко показано уже М. Вебером. Поэтому определен-

ная европоцентричность в построении системы образования обновленной России в современных рыночных отношениях закономерна. Но при этом следует учитывать, что организация внутренних взаимодействий этой системы и тем более ее содержание все же видятся отличными от западных конструкций. И здесь опять нельзя не вспомнить менталитетные основы образования.

Перечитывая бердяевские «Истоки и смысл русского коммунизма», волей-неволей приходишь к выводу о том, что значения образования ни общество, ни власть в России никогда до конца не осознавали. В отечественной литературной классике даны интересные свидетельства существования двух взглядов на образование в России. Н. Г. Чернышевский полагал, что можно не знать математики, химии, греческого языка и быть образованным человеком, но не знать истории страны может только человек, умственно неразвитый и недалекий. А. Чаянов в статье «Методы высшего образования» подчеркивал, что самое главное, что дает высшая школа, – это особая, присущая только ей культура. Культурное забвение грозит нам «духовным босячеством», предупреждал в 1918 г. А. Изгоев. Ранее об этом же в «Бесах» предупреждал Ф. М. Достоевский.

Исторически ситуацию спасала традиционная целостность социальных страт русской общности и воспитание в них человека на высоких нравственных и созерцательно-эстетических началах. В этом и соприкасались образование и русский человек. Образование не стало для России продуктом или инструментом, связанным с рыночными, производственными отношениями. Оно стало мерилom духовности и гедонистической «отдушиной» для человека мыслящего, найдя, таким образом, опосредованную нишу в российской культуре. Это либо величайший из парадоксов российской культуры, либо очередное следствие ее бинарности. Роль образования в России – создавать гуманитарный буфер в социальных и полиэтнических коллизиях. Вовремя не осознанная, эта роль была безвозвратно утеряна.

Потеряв свои смыслы в культуре, образование перестало быть культурной ценностью. Российское же образование, не имея исторических константных основ, являющееся относительной ценностью лишь отдельных социальных групп, сегодня, в условиях интеллектуальной вседоступности и обезличивания, утратило последнее – свое гедонистическое значение. На фоне последних данных о ценностных ориентациях выпускников школ (чистая совесть, приношение пользы обществу являются для них лишь периферийной группой ценностей, а желание иметь доступ к общечеловеческой культуре и вовсе является ценностью низшего статуса) потери образования несут невосполнимый характер.

Поиск решения проблем развития российского образования, очевидно, должен быть связан не только с изменением его структуры сообразно мировым стандартам, но и созданием системы сохранения и развития его приоритетных гуманитарных содержательных форм. Первым шагом в этом направлении мо-

жет стать признанием того, что современное европоцентричное образование является инструментом массовой культуры. И тогда совершенно иначе начинает восприниматься и региональная, и вариативная составляющие стандартов образования.

3. Это, безусловно, информационный взрыв, порожденный появлением качественно новых возможностей получения, обработки, хранения и передачи информации. Ежедневно и ежечасно в оборот человечества вводятся тысячи новых «информационных единиц». Их суммарный объем в современных условиях удваивается в среднем раз в десять лет. При таком беспрецедентном возрастании роли информационных технологий темпы изменений научных и профессиональных знаний столь велики, что 30% знаний устаревают уже во время обучения студентов в вузе, а последующие после выпуска пять лет получили название «периода полураспада профессиональной компетентности». Уже сказанного достаточно для того, чтобы утверждать, что современное человечество встало перед необходимостью создания качественно новой философии образования и вытекающей из нее новой методики. Требуют перемены сами исходные принципы обучения. На сегодняшний день даже «красный диплом» высшего учебного заведения не гарантирует, что через десять-двенадцать лет его владелец не будет безнадежно отставать в сфере своей профессиональной деятельности.

Следовательно, основной упор в системе образования необходимо делать не на передачу обучающемуся конкретных знаний, умений и навыков (даже если их называть ключевыми компетенциями), а на привитие ему умений и навыков самостоятельного получения новых знаний и (что самое главное) желания заниматься самообразованием. В условиях стремительного роста объема информации иного, нежели самообразование, пути перед человечеством нет.

4. Нашу систему образования образно можно уподобить водоему. Широко и спокойно расстилаются его воды, олицетворяя собой кажущиеся покой и стабильность. Но стоит нарушить эту зеркальную гладь, бросив «камень» новомодной образовательной идеи, как побегут по нему, все расширяясь, круги и охватит его реформаторская рябь, а там уже недалеко и до волнения, постепенно перерастающего в шторм. Очередным «камнем» подобного рода стала идея присоединения России к Болонскому процессу. Ее радостно восприняли сотни выпускников сельских школ от Смоленщины до Забайкалья, давно мечтавшие о Сорбонне и вот наконец увидевшие реальный (и главное – недорогой) путь к обретению свободно конвертируемого диплома.

Разумеется, шучу, хотя и не весело. Государство не только последовательно свертывает свое присутствие в воспитательно-образовательной сфере (что, может быть, было бы и не так страшно, существуй у нас развитое гражданское общество), но пытается, забыв о профиците бюджета, экономить на образовании. А это уже чревато весьма плачевными социальными последствиями.

История дает достаточные основания утверждать, что ни одна крупная социальная цель не достигалась без соответствующего «образовательного обеспечения». Непопулярный ныне Ф. Энгельс утверждал, что франко-прусскую войну выиграл прусский учитель. Вряд ли стоит спорить с ним по этому поводу. После полета Юрия Гагарина президент Д. Кеннеди поставил перед нацией задачу создания такой системы образования, которая позволила бы Соединенным Штатам достойно ответить на исторический вызов страны Советов. Культ знаний лежит в основе «японского экономического чуда». Впрочем, примеров подобного рода можно приводить множество. Но...

Из крайне скудной информации по поводу рассмотренных 9 декабря 2004 г. правительством РФ представлений Министерства образования и науки «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации» становится понятно, что в качестве очередной жертвы, принесенной на алтарь экономического процветания отечества, уготовлено российское образование. Однако разработчикам данного документа хотелось бы напомнить некоторые выводы, на которых цивилизованный мир стоит, по меньшей мере, с середины прошлого столетия.

Образование как социальный институт не только испытывает на себе воздействие других социальных институтов, но, в свою очередь, оказывает на них обратное влияние. В конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века в исследованиях американских ученых М. Абрамовича, Р. Солоу, У. Шульца был открыт так называемый «эффект черного ящика» технического прогресса. Было установлено и экономически обосновано, что при развитии системы образования измеряемый национальным доходом выпуск продукции возрастает значительно быстрее, чем этого следовало бы ожидать за счет роста традиционных производственных факторов, таких, как физический капитал, труд и земля.

Оценка эффективности образования, проведенная греческим экономистом Г. Псахаропулосом на материале 32 стран, показала, что во многих случаях норма прибыли инвестиций в образование превышает аналогичный показатель физического капитала. Профессор педагогики Римского университета А. Визальберги в статье с характерным названием «Целесообразно ли экономить на образовании?» убедительно показал, что ассигнования на образование по существу отличаются от большинства других статей расходов на социальные нужды. В определенной степени это всегда инвестиция, чего нельзя сказать о пособиях по безработице, пенсиях, отчислениях на бесплатное медицинское обслуживание и т. д.

К чему приведет реализация потаенных от педагогической общности идей разработчиков вышеназванного документа – понятно. Скупой платит дважды. Но это только экономическая цена. Что же до цены социальной, то она недвусмысленно показана авторами статьи «На зурабовские грабли...». Стоит ли России платить эту цену? Я солидарен с позицией Э. Днепрова, Е. Ткаченко и В. Шадрикова – ни в коем случае.

Е. К. Хеннер,
проректор по информатизации и новым технологиям обучения ПГУ (Пермь)

1. Образование – понятие многоаспектное. По различным аспектам его развитие происходит несинхронно.

Понимание образования как абсолютной ценности, права человека, неподверженного конъюнктуре, изменениям социально-экономических и общественных отношений, является одной из главных сторон гуманистического мировоззрения. Любые попытки «развить» этот аспект образования (а они скрытно присутствуют в ведущихся сейчас в нашей стране дискуссиях о реформировании образования) ведут к деградации общества.

В противоположность этому образование как система, процесс и результат должно трансформироваться для более адекватного отражения существующих в мире (и в нашей стране) реалий.

Далее ограничусь оценками развития лишь профессионального образования. Системно оно может совершенствоваться несколькими путями:

- путем разделения этапов, целей и задач образования как такового, с одной стороны, и получения узкой специальности, с другой; первым этапом должно быть общее профессионально-ориентированное образование с доминированием фундаментальной составляющей, после которого, на втором этапе, возможен выбор из некоторого спектра профессий. Например, бакалавр математики может выбирать между профессиями «математик-прикладник», «механик», «учитель математики», «специалист по защите информации» и т. д.;

- путем внедрения элементов т. н. «открытого образования», «обеспечивающего гибкий доступ к образованию, которое строится с учетом географических, социальных и временных ограничений конкретных обучающихся, а не образовательных учреждений» (Преподавание в сети Интернет / Отв. ред. В. И. Солдаткин. – М.: Высшая школа, 2003).

Образовательный процесс следует постепенно перестроить таким образом, чтобы в диаде студент / учебное заведение права студента были реализованы в большей мере, нежели в настоящее время. Средством этого может стать более гибкая организация учебного процесса на базе новых информационных технологий. Студент должен иметь право в процессе обучения менять его формы, делать (в разумных пределах) перерывы в обучении и т. д., т. е. выстраивать, в сотрудничестве с учебным заведением, персональную образовательную траекторию.

Результативность обучения все больше будет оцениваться по степени востребованности и профессиональной мобильности выпускников, т. е. профессиональное образование будет становиться более фундаментальным и менее узким. Узкая специализация под конкретную профессию в значительной степени уйдет в сферу дополнительного образования и станет заботой как работодателя, так и самого человека.

Развитие отечественного профессионального образования сдерживается (в перечисленном ниже порядке):

- объективными экономическими причинами;
- способом реформирования, когда за декларируемыми сверху реформами образования общественность справедливо видит скрытую экономическую реформу («монетизацию образования»), пренебрегающую как интересами системы образования, так и мнением работающих в ней людей;
- неумеренным консерватизмом самой системы.

Развитию системы образования может содействовать передача большей доли ответственности за образование, включая профессиональное, на уровень региона.

2. Актуальна традиция уважения к образованию как таковому и к его носителям. Под давлением социально-экономических факторов эта традиция постепенно ослабляется. При этом не следует все сводить лишь к вопросу о разнице заработной платы – необходим некоторый социальный пакет.

Следует сохранить присущие отечественной системе образования принципы фундаментальности, системности и систематичности. Они размываются под влиянием некоторых педагогических технологий, давлением части недалеких работодателей и т. д.

Следует отказаться от самоизоляции, свойственной некоторым подсистемам отечественного профессионального образования. В этом плане выстраивание взаимодействия с мировой системой образования, включая вхождение в Болонский процесс, полезно и необходимо.

Отказаться следует от сильно преувеличенных претензий на «лучшее в мире...». Большие подозрения должны внушать слова о том, что такая-то подсистема отечественного образования является уникальной – скорее всего, она просто искусственно законсервирована, а мир от нее давно отказался.

Из опыта т. н. «западных» стран следует позаимствовать более продолжительное общее образование (включая этап профильного) и отказ от ранней узкой специализации в профессиональном образовании.

Следует позаимствовать у зарубежных вузов множественность путей получения высшего образования и равные права на выбор образовательной траектории за обучаемым и за учебным заведением.

Над нами в целом довлеет традиция единообразия решений. Единство образовательного пространства огромной страны с федеративным устройством странного образом отождествляется с единообразием структуры учебных заведений, системы аттестации научных кадров, госстандартами, в которых прописаны мелкие детали содержания обучения и т. п. Это единообразие мешает поискам оптимальных путей развития образования.

3. На систему образования за последние 20 лет в наибольшей мере повлияли новые информационные и коммуникационные технологии (ИКТ).

ИКТ в образовании приносят пользу, но следует более критично воспринимать восторженные посулы соответствующих перспектив. В настоящее время ИКТ, с одной стороны, содействуют процессам учения и обучения, а с другой – размывают образовательную систему и способствуют весьма спорной трансформации ее структуры и целей. Например, усиление поверхностной информированности в ущерб критическому изучению и анализу отчетливо связано с интернетом, возрастание уровня наглядности при описании явлений физического мира часто подменяет его научное восприятие и исследование и т. д.

Педагогическая наука пока не выработала принципов и не создала инструментария для систематического анализа последствий внедрения ИКТ в образование. Наличие отдельных узко методических исследований по использованию элементов ИКТ в предметном обучении не меняет этой оценки. Это вполне естественно, так как скорость процесса информатизации образования беспрецедентно высока, экономические интересы и давление соответствующих сил огромны; и то, и другое не способствуют объективному познанию.

В будущем следует быть готовым к еще большей технологизации образования, которая будет претендовать не только на поддержку традиционных образовательных ценностей, но и на их трансформацию, что представляется достаточно опасным.

4. Мы медленно, по принципу «шаг вперед, полшага назад, полшага вбок» идем в сфере образования туда же, куда и весь развитый мир.